

1937 год был годом рождения в стране сценической Ленинии. Конечно, ее рождение нельзя назвать внезапным. Ведь, если взять такие спектакли, как «Штурм», «Любовь Яровая», «Бронепоезд 14-69», «Мстислав Удальов», то они тоже были спектаклями о революции и Ленине, только без актера, игравшего его роль. Ленинский дух, его мысли, его слова, его страсть уже жили в этих произведениях, обожествив сцену всех театров молодого Советского государства. Спектакли эти были серьезным подспорьем, надежным преддверием к ленинской теме.

И вот в Московском театре имени Евгения Вахтангова — премьера погондинского «Чоловек с ружьем». Впервые зритель увидел на театральной сцене Ленина, которого блестяще сыграл замечательный актер Борис Шуклин.

В Куйбышев зрители встретились с образом Ленина на сцене драматического театра тоже в 1937 году. В катушке 20-летия Великого Октября режиссер И. Ростовец поставил драму К. Тренева «На берегу Новыя».

Играл Ленина обладающий большим внешним сходством с Ильичем Иван Демичев. Для зрителя достаточно было безмолвного появления на затемненной сцене, изображающей вечерний Петроград, силуэта Владимира Ильича, чтобы в зале возникли бурные овации. Стоя встречали куйбышцы краткую, но очень выразительную речь Ильича в финале спектакля.

Через год волжано увидели Ленина в спектакле «Чемпионы», поставленном режиссером А. Риделем по пьесе М. Козакова.

Но это были лишь первые попытки подойти к ленинской теме, первые заявки и пробы.

Время требовало новых поисков. И вот Куйбышевский театр имени А. М. Горького отводит пьесу Николая Погодина «Кремлевские куранты».

Это был спектакль о вожде революции. Роль Ленина исполнил Валерий Бурз. Если роль Ленина в некоторых спектаклях сводилась к его появлению на мгновиельно, в каком-то «ударном эпизоде», и так все шло от того, что увидит зритель, то здесь Ленин — центральный, главный герой, и начиная от артисту было о чувствах, с мыслями, с внутренним огнем, который так ярко пылал в сердце великого большевика.

Ленин в исполнении Бурз был наполнен такой стремительной, всепоглощающей энергией, таким темпераментом, такой силой убеждения, что этой энергией, этим темпераментом, этими убеждениями не могли не заражаться все окружающие его люди; и те, которые с ним, и те, которые колеблется...

Надо сказать, состав исполнителей в «Кремлевских курантах» был очень сильным.

Вторую по важности и значимости роль спектакля — инженера Забелина, который, по существу, олицетворял очень личностную часть старой трудовой интеллигенции, оказавшейся на распутии, играл Георгий Александрович Шебев.

Он создал свой, особенный, неповторимый образ. Неповторимый, особый, но испытывающий на себе магнетизм ленинской мысли, ленинского действия.

Ленин в исполнении Бурз — неутомимый, постоянное собраный, готовый к схватке, всегда отлично вооруженный боем. И разговор его с ожесточенным и прямым Забелиным, заявляющим, что в социализме он не верит, что зря из него пытаются сделать большевика — все равно не-

устрого новой интервенции. И все равно: «За мякину мы не можем уступить революции». Только в ней, только в ее заповедях — залог расцвета, выходя из трудностей и бед, вставших за горло молодой Стране Советов.

И это доходит до крестьян, это поднимает их мысли, их мечты, и надежды.

«Кремлевские куранты» ставились на куйбышевской сцене трижды. Первый раз в 1940 году. До войны. Второй раз в 1945-м, уже после войны. Исполнителем роли Ленина по-прежнему был Бурз. Только перемены в жизни народа, пережившего ужасную войну и вышедшего из нее победителем, сделали его игру еще более наступательной, еще более активной.

В ней были нотки уверен-

ное в мире Советское государство продолжало жить, набирать силу.

В 1952 году куйбышцы смотрели в своем театре «Семью» И. Попова, посвященную юбилейным годам Ленина, пьесу раскрывающую ту обстановку, ту нравственную атмосферу, в которой рос и воспитывался, обретая крылья для большого и высокого полета будущий вождь мирового пролетариата.

Играл Володу Ульянова молодой, пришедший из самодеятельного театрального коллектива, но очень много работавший над собой, чрезвычайно одаренный Николай Засухин. Он отлично сумел отобразить все те свои качества, которые родили его с создаваемым образом: и молодость, и внешнее сход-

партии всеро с своим арестом, и он спокоен. И даже слегка ироничен, как будто речка идет вперёд, и не ему грозит и грозит смертельная опасность. И вот эта «замедленная» реакция, это спокойствие рождает ощущение силы, ощущение того, как же мела и бесплодна вся эта суеда сует ленинских эсеров, предавших революцию. Родается и крепнет ощущение веры в большевиков, в Ленина, которые знают куда и как будет развиваться революция.

Но самое большое актерское счастье в этих куйбышевских исполнителях роли Владимира Ильича Ленина испытал Александр Иванович Демич. Самое большое счастье — и больше всех тревог и волнений, с которыми

такля заволагованный, страстный, как бы соединяющий те теоретические и дьявольские трудные годы с нашим стремительным и насыщенным такими сложными и масштабными делами временем.

Для Владимира Ильича не секрет его болезни, и он догадывается, даже, пожалуй, знает о близком конце. Смерть не пугает его. Обида только, что не увидит, как придет Россия к социализму, как свершится то, о чем ему мечталось, чему он отдал жизнь.

Одна из движущих сил ленинского гения — вера в людей, любовь к ним. Ленину у Демича весь загорается, весь лучится, наполняется бурлящей энергией, во встрече с единомышленниками, с теми, кто своими руками в гуще

кого типа пролетарский вождь, как Ленин, мог удержаться на капиталистическом мостике во время страшного шторма, только такой деятель партии мог удержаться в руках штурвал и вести это корабль к заветной цели.

Матейкини торжествуют. Арастован Держинский. На их стороне заместитель председателя ВЧК Александрович. В их руках телефонная станция и телеграф. Московские большевики не имеют в столице красноремейских частей, которые бы можно было бросить на разгром составивших эсеров.

Есть от чего потерять голову. Но Ленин в исполнении Демича удивительно собран. Нет, он не спокоен. Этого нельзя сказать. Он полон огромного внутреннего волнения. Волнения за судьбу Советской России, за судьбу партии в народе. Этого волнения не скрыть.

Вот он слушает сообщение Свердловца об измене Александровича, и палец левой руки медленно чертит полукольцо: палец, как маятник, тупо, тупо ходит по ладони, по ладони, по ладони. Этот бессональный жест как бы подчеркивает главную мысль, которая сейчас овладела Ильичем: выиграть время, во что бы то ни стало выиграть время. Время, чтобы стянуть верные революционные силы. Откуда их взять, где найти, он знает. Силы будут. Это прежде всего рабочие столицы. В них главная защита и надежда Советской власти. Коммунистам даются буквально считанные часы, если не минуты, чтобы поднять пролетариат Москвы.

Потом были «Между людьми» А. Шейна в народном театре клуба имени Революции 1905 года, «Старик в потертой шинели» К. Паустовского в спектакле Куйбышевской телестудии, где Демич играл Ленина. Обе работы были серьезными и знаменательными событиями в культурной жизни города, но «Третья патетическая» и «Шестое июля» были, бесспорно, значительнее. Они по праву вошли в золотой фонд Ленинских Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького.

Актриса Ленинина, созданная на сцене нашего драматического театра, занимает в сокровищнице куйбышевских спектаклей особое место. Но она, конечно, не окончена, Ленинина продолжается. Продолжается сама жизнь, существование ленинских пьесов. Продолжается исследование, рождением жизнью, высоким уровнем материальной культуры всегда существует еще более высокая духовная культура. А художественный образ великого Ленина — ее вершина, ее идеал, к постижению и передаче которого всегда будут стремиться люди передового искусства.

Андрей БАТКИН.

К 125-летию Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького

В ДОХНОВЛЯЮЩИЙ ОБРАЗ

чего не получится — это не просто разговор, а бой.

Острота положений, острота диалогов, острота, акцентирующая себя и точный анализ и убедительную иронию, вообще характерны для стиля игры Бурз в этом удивительном спектакле.

Как быстро «разоружен», «разбит» и обращен в сматенные Лениным английские писатели, что убеждение в незыблемости буржуазного образа жизни до сих пор никто поколебать не смог. Тонкая беспощадная ирония Ленина, с таким блестящим выявлением Бурз в сцене беседы с беспристрастным иностранцем, в соединении со страстной верой в будущее России, не только поражают зарубежного фантаста, но и вызывают в нем чувство почтительного уважения к делам и проектам русских большевиков.

Большинство советских драматических театров ставили погондинские «Куранты» во второй авторской редакции. Куйбышцы ставили по первой. И выиграли при этом за немалую цену, которой не осталось во втором тексте. Сцену встречи Ленина с красными-холодами. Не сразу и не до всех дошла ленинская идея электрификации. Обиженный, голодный деревня жила надеждой на урожайный дождь, на грозы, на сие. А электрическая лампочка, может, оно и хорошо, а можно и подождать...

И не уговорами, не матюками рассуждениями берет Ленин, а колоссом и страстным монологом, в котором все названо своими словами, названо самыми тяжелыми положениями молодого советского государства, показан ужас голода в Поволжье, реальная

ного горькая: смотрите, черная кинка трудности прошла страна, какие муки и страдания вынесла, но жива и стала еще крепче. Что это значит — следовать ленинским курсом? И как он был прав во всем, еще тогда в годы ужасающей нищеты и разрухи, наш Ильич!

В 1955-м «Кремлевские куранты» были поставлены в третий раз. В роли Ленина предстал перед куйбышевцами Н. Колесников, актер удивительного обаяния и редкого дара сердечности.

Ленин в исполнении Бурз обращал в свою веру Забелина бурной атакой ума и страсти, Ленин у Колесникова делал это с большей долей дружеского участия, заботливости и предупредительности.

У героя Бурз нет и тени сомнения в том, что Забелин будет служить новой России. У героя Колесникова еще сохраняют нотки сомнения. Он как бы перепроверяет себя: все ли он сделал, чтобы убедить старого интеллигента в правоте большевистского плана преобразования России? Сцена беседы в кремлевском кабинете вождя с часовщиком приобрела характер большого и глубокого символа, стала одной из лучших в спектакле. Старый, больной, голодный, потерявший работу и веру в лучшие дни часовщик — встречает в кабинете не вершитель судьбы, а живого, предельно доброго, сердечного, а главное, по-житейски мудрого человека. И часовщик покорен этой простотой, сердечностью, мудростью и животворной верой в прекрасное будущее страны. И он, охрипевший, спешит к своим курантам, которые должны забить, должны возвестить миру о том, что

ство, и эмоциональную подлинность, чтобы добиться успеха. И успех пришел.

В шестьдесят седьмом артисту, который к этому времени стал одним из ведущих в театре, вновь поставились познакомиться с Лениным, создаваемом на куйбышевской сцене, и внести в нее весьма серьезный вклад. Только на этот раз Николай Засухин играл уже не юного Ульянова, а главу Советского государства в один из самых трагических периодов, когда завоевания Октябрьской революции грозила катастрофа.

М. Штормов назвал свою пьесу «Шестое июля» документальной драмой. И действительно, в ней нет отступлений от исторической правды. Он буквально по часам к минутам проследил за событиями одного очень важного дня для судьбы молодой республики и партии дня, когда

полник левосердечный мятеж, и над Советской властью нависла смертельная угроза. И над Советской властью и над руководителями республикой, и над Владимиром Ильичем Лениным. Минуте предшествовала немыслимая работа Засухина, бессонные ночи и поиски, поиски...

И получились «свой», особый засухинский образ, кое-чем расхолаживая с тем, как он представлял другие крупные, в основном столичные, театры.

Стоит вспомнить хотя бы эпизод выступления вождя партии на съезде. Страсть — да. Убедительность — да. Но есть еще и спокойная, рожающая уверенность слушателей, неподражаемость. Или момент, когда Ленин держит в руках постановление ЦК

необходимо связана работа над образом великого вождя и человека. Демич играл Ленина в четырех различных спектаклях по пьесам четырех авторов.

Два из них шли на сцене Куйбышевского драматического.

Работа над образом началась у артиста задолго до сцены. Я помню гору книг на его столе, когда он готовился к «Третьей патетической». И «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида, и очерк М. Горького «О Ленине», и сборник Романа Роляна, и тома из собрания Социалистического Владимира Ильича. А на диване разложены репродукции с ленинских портретов и картин лучших художников страны.

Из художников Демич предпочитал Жуклова.

— Я нашел отдыхающего Ленина для себя, когда был в мемориальном парке. И ход рассуждений у Жукова был, оказывается, точно таким же, когда он рисовал отдыхающего Владимира Ильича. Значит, шли по одному и, мне кажется, верному пути, намерения его той высокой мерой, которая сложилась в русском гении, вождя и простого человека.

«Третья патетическая» в Куйбышевском драматическом театре имени А. М. Горького, поставленная в конце 1958 года, прошла с громадным успехом, превратилась в крупное событие театрального сезона. Театр почти ничего не потерял из того драгоценного материала, который он предложил своей пьесой талантливый драматург-гражданин Н. И. о лав Погодин. Получился спек-

народных масс строит его мечту — социализм.

Смотря на сцену — и видишь, какое живительное действие оказывает на Ильича атмосфера сталинтейной заводи и предание всей душой делу революции рабочие: старый мастер, чумазый подросток Прошка. Перед нами Ленин — добрый, полный расположения и любви к ватным труженникам, делающим главное дело революции, готовый смеяться, шутить, мечтать.

А через минуту на сцене уже совсем другой человек: весь злость, напряжение, страсть. Это Ленин услышал меньшевистское выступление. И вот перед нами уже немирный боец против фальши, фразерства, измены. Враг рядом, и Ленин вступает а схватку.

Потрясал оптимизмом больного Ленина. Смерть за порогом. Возможно! Но как это малоначетливо, в общем, по сравнению с тем, что надо успеть сделать в оставшиеся часы. И Ленин спешит делать. Его душевное здоровье, мужество и воля сильнее боли, сильнее черных предвестников скорого конца. Объяно оставляют мир недоустроенным, но сохраняют сознание того, что есть кому достраивать это оставшееся время. А у Дятлова, Ипполита, Прошки — его, ленинские гвардейцы, которые не отступают, не повернут вспять, не остаются на полпути. Им смело можно доверить будущее России.

То был Ленин в последний год жизни. И вдруг Ленин летом 1918 года. «Третья патетическая» ставили в 1958 году. А «Шестое июля» — в 1967 году. Через девять лет.

Перед Демичем стояла задача показать, что только та-